

Городской театръ.

„Мѣщане“, драматическій эскизь М. Горькаго.

„Рѣка время“ унесла Горькаго, какъ драматурга. Едва-едва осталась одна его пьеса „На днѣ“, остальные пьесы давно разсыпались забытыя публикой.

Наша антреприза, отличающаяся вообще большимъ пристрастіемъ къ скаринѣ, воскресила „Мѣщанъ“.

Но, кажется, краски, поблекли у этой пьесы; повидимому, мы ушли отъ горьковскихъ „Мѣщанъ“, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой Горькій преподнесъ свои сцены зрителю.

Когда-то знаменитый Безсѣменовъ, старшина малярнаго цеха, предсталъ какъ-то въ новомъ освѣщеніи. То, что раньше казалось выраженіемъ общаго начала, своего рода борьбой отцовъ и дѣтей, то вышло, результатомъ нервного брюзжанія стараго, уже истрепавшагося въ жизни человѣка.

Все это шленіе Безсѣменовымъ дѣтей вышло какъ-то мелко и плоско. Просто раздраженный старикъ срываетъ свое недовольство на своихъ дѣтяхъ.

И когда онъ заявляетъ, что они съ матерью ненужны дѣтямъ, то это выходитъ у него не трагическимъ сознаніемъ дѣйствительной ненужности, а выкрикомъ нервного, почти больного человѣка. Тогда какая общественная и художественная цѣнность Безсѣменова?

Можетъ быть, это впечатлѣніе создано игрою г. Степина. На этотъ разъ г. Степинъ сдѣлалъ Безсѣменова мельче, чѣмъ онъ есть. Возможно, Безсѣменовъ допускаетъ толкованіе, какъ опредѣленная величина, съ твердыми, окаменѣвшими взглядами, съ застывшимъ міросозерцаніемъ. У г. Степина Безсѣменовъ именно брюзжащій, скорѣе жалкій старикъ, а не упрямый представитель міросозерцанія, не похожаго на мировоззрѣніе его дѣтей.

Такой Безсѣменовъ неинтересенъ, да и не нуженъ. Вѣдь, какъ-никакъ М. Горькій хотѣлъ представить въ лицѣ своего героя носителя темной силы, мѣняющей жить молодому поколѣнію. Онъ хотѣлъ сдѣлать его страшнымъ, а у г. Степина и не было страха.

Какъ-то неожиданно потускнѣли и горьковскіе афоризмы, въ изобиліи разсыпанные въ пьесѣ; они утратили свою свѣжесть и непосредственность и кажутся больше общими мѣстами безъ приложенія къ жизни; вѣдь, только примененный къ жизненнымъ условіямъ афоризмъ дѣйствененъ, иначе онъ звучитъ въ воздухѣ безсильный и дряблый, никому ненужный.

Спаль трагизмъ и съ Тетерева, этого кавалера зеленого змѣя. Онъ ужъ не возбуждаетъ къ себѣ былого сочувствія, вызывавшагося прежде. Можно равнодушно пройти мимо него, ограничившись шаблоннымъ выраженіемъ ординарнаго сожалѣнія, ни къ чему не обзывающаго и никого не трогающаго.

Нѣтъ, „Мѣщане“ не создаютъ уже былого настроенія и не вызываютъ прежнихъ чувствованій: всему свой чередъ. Повидимому, мы стали другими: за пятнадцать лѣтъ мы пережили большую и сложную жизнь, и „Мѣщане“ для насъ—вчерашній день. Каждый ли вчерашній день мы захотимъ вернуть?

Время и вкусы мѣняются...

Въ то же время справедливость требуетъ отмѣтить, что, если забыть г. Степина съ его толкованіемъ роли Безсѣменова, пьеса разыграна была ровно и стройно. Матеріалъ данный пьесою, былъ использованъ труппою въ предѣлахъ силъ и способностей ея прекрасно.

Извѣстная подчеркнутость была допущена режиссеромъ въ гримѣ и постановкѣ группъ въ третьемъ актѣ, но этого можно было-бы при желаніи избѣжать.

Н. Станскій.